

ЧЕСНОКОВ Эдвард Отакарович – приглашенный преподаватель департамента медиа Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (190068, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 123; chesnokove@gmail.com)

АРГЫЛОВ Никита Антонович – кандидат политических наук, научный сотрудник Центра этно-социологических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Россия, г. Якутск; nargylov@hse.ru; ORCID ID: 0000-0003-3600-3193)

ОТ «ТРЕХ ПРИНЦИПОВ ДЭН СЯОПИНА» К «ДИПЛОМАТИИ ВОЛКОВ-ВОИТЕЛЕЙ»: ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

Аннотация. В статье предпринимается попытка анализа эволюции внешнеполитической концепции Китая. Так называемая дипломатия волков-воителей описывает наступательные действия китайских дипломатов для защиты национальных интересов Китая, часто осуществляемые конфронтационными способами. Авторы стремятся восполнить отсутствие систематических исследований о том, насколько официальной является враждебная и воинственная (по отношению к западоцентричному миру) «дипломатия волков-воителей» и как она соотносится с китайской дипломатией под руководством Си Цзиньпина.

Материалом послужили работы и исследования отечественных и зарубежных авторов на тему внешнеполитической стратегии Китая и ее трансформации. Были выявлены этапы эволюции внешнеполитической стратегии Китая – от политики «мирного развития» и «трех принципов» Дэн Сяопина до так называемой политики волков-воителей, которая в короткий срок стала определяющей в действиях всего государства на внешнеполитической арене. Можно предположить, что «дипломатия волков-воителей» будет поддерживаться правительством Китая как минимум ближайшие 5–10 лет, и в дальнейшем уведет страну все дальше от идеологии «мирного развития» и «трех принципов» внешнеполитической стратегии Дэн Сяопина.

Ключевые слова: «три принципа Дэн Сяопина», «дипломатия волков-воителей», Китай, КНР, внешнеполитическая стратегия, дипломатический курс, история внешней политики.

Введение. Актуальность вопросов исследования обусловлена тем, что в условиях современного мирового порядка, процесса политической и экономической глобализации необходимы уточнение национальных приоритетов и разработка странами новых методов для обеспечения решения целого комплекса внешнеполитических задач. Китайская Народная Республика (КНР) занимает лидирующие позиции в мировой экономической системе и является крупнейшей политической силой. В то же время международная ситуация, особенно в Евразийском регионе, во многом зависит от методов, предлагаемых совместно китайским и российским лидерами, а также от их позиций по ключевым геополитическим вопросам.

Во-первых, особую важность представляет анализ реализации национальных интересов КНР, их влияния на отношения с основными странами мира и развитие международных отношений в контексте процесса глобализации. Во-вторых, необходимо исследование и прогнозирование возможного пути развития страны на фоне крупных региональных конфликтов, новых трансграничных рисков, вызовов и угроз. В-третьих, остро стоит вопрос о попыт-

ках ограничения влияния Китая на мировой арене с помощью «инструментов сдерживания» со стороны крупных мировых держав, в частности США.

Одной из форм осмысления внешнеполитических доктрин тех или иных государств, эволюционирующих под влиянием внешних вызовов, являются «зоологические метафоры». При своей ненаучности (а иногда и антинаучности) «зоологические метафоры» представляют заметный интерес для исследователя. В частности, среди стран АТР наиболее известный концепт подобного рода относится к Сингапуру: его доктрина ядовитой креветки (*a Poisoned Shrimp*)¹ со второй половины 1960-х гг. являлась и политическим лексиконом, и политической реальностью, сообщая «граду и миру», что в случае попытки угрозы или поглощения (прежде всего со стороны коммунистических гигантов Восточного полушария), Сингапур, несмотря на малые размеры и скромную сухопутную армию, нанесет потенциальному агрессору «неприемлемый ущерб».

Применительно к нынешнему Китаю, однако, его внешнеполитический стиль до самого последнего времени оставался почти не концептуализированным — ни изнутри, ни извне.

Среди научных исследований по теме внешней политики Китая можно выделить ряд работ российских и зарубежных исследователей [Виноградов 2018; Голобоков 2010; Козыкина 2017; Лань 2021; Мэй 2021; Zhiqun Zhu 2020; Dai 2022; Chen 2020; Raden 2021; Sullivan, Wang 2022; Langendonk 2022; Богданова, Солнцева 2010; Бояркина 2022; Иванченко 2014; Goldstein 2020].

Исследование. К 2018 г., т.е. к началу активной фазы американо-китайской «таможенной войны» и других форм непрямого противостояния между США и КНР, исследователи выделяли пять сменяющих друг друга дипломатических стратегий Пекина, примерно соответствующих десятилетним периодам, начиная с образования Китайской Народной Республики в 1949 г. Последний, пятый период, согласно этой классификации, наступил в 1990-х гг. [Богданова, Солнцева 2018: 11].

Несмотря на терминологическую калейдоскопичность, в большинстве своем эти дипломатические стратегии мало отличались друг от друга, получив текстуальное оформление в «трех внешнеполитических принципах» Дэн Сяопина — фактического руководителя Китая в 1978–1992 гг., при котором страна стала частью глобальной экономики, индустриальным гигантом и обрела то лицо, которое мы знаем сейчас.

В противовес возвышенной и многословной партийной риторике, «три внешнеполитических принципа» Дэн Сяопина были просты, лаконичны и недвусмысленны. Очевидно, что они лишь обобщали практику, принятую ранее, и поэтому их справедливо распространить на все «пять периодов дипломатии КНР»: 1) против гегемонизма; 2) за мир во всем мире; 3) за укрепление сотрудничества со странами третьего мира.

По нашему мнению, каждый член этой триады соотносится с одним из «трех миров» — геополитической концепцией, которую ранее предложил предшественник Дэн Сяопина — Мао Цзэдун. Согласно этой концепции, планета делится на «первый мир» (абсолютные гегемоны: СССР и США); «второй мир» (развитые, но несамостоятельные игроки: Европа, Канада, Япония) и «третий мир» (Азия, Африка, Латинская Америка: не вполне самостоятельные и не

¹ Singapore's poison-shrimp defence. URL: <https://www.scmp.com/article/443461/singapore-poison-shrimp-defence> (accessed 20.10.2022).

вполне развитые из-за рудиментов колониализма, однако желающие достичь и того и другого).

Таким образом, «три принципа» Дэна Сяопина в приложении к «трем мирам» Мао Цзэдуна раскрывают суть внешней политики КНР по отношению к каждому из них:

– с гегемонами из «первого мира» – избегать конфликтов, в то же время неявно им оппонировав в морально-символическом измерении в качестве альтернативного полюса развития;

– со «вторым миром» – сохранять благожелательный нейтралитет, извлекая всемерные выгоды из сотрудничества. Характерный пример: в 2021–2022 гг. широко отмечалось 50-летие «китайского маневра» госсекретаря Г. Киссинджера и президента Р. Никсона, когда после серии неординарных дипломатических ходов США Китай экономически стал частью «капиталистического лагеря» и начал политику открытых дверей, позволившую ему со временем сделаться индустриально-технологическим гигантом благодаря зарубежным инвестициям. Примечательно, что на первом этапе «политики открытости» важнейшим инвестором в экономику Поднебесной являлись не столько США, сколько Япония¹, а поставщиком технологий – Западная Европа. То есть, тогдашнюю внешнеполитическую стратегию Китая можно охарактеризовать как получение преимуществ от взаимодействия со «вторым миром» через непротивостояние гегемонам «первого мира»;

– наконец, в отношении «третьего мира» доктрина заключалась в том, чтобы выступать для него таким же полюсом развития и источником инвестиций, какими более развитые и сильные страны выступали относительно самой КНР.

В дальнейшем Дэн Сяопин конкретизировал «три внешнеполитических принципа» в своих знаменитых Двадцати восьми иероглифами. Эта «расширенная формула» состояла из семи принципов. Каждый из них, в свою очередь, выражался четырьмя иероглифами ($4 \times 7 = 28$) и звучал куда более расплывчато и метафорично, что соотносится с китайской традицией.

Не вдаваясь в анализ всех семи принципов, процитируем, на наш взгляд, самый важный из них, под номером четыре: «держаться в тени, стараться ничем не проявлять себя». Числовая символика здесь весьма многозначительна. С одной стороны, «4» в ориентальной традиции имеет негативную семантику (произношение этой цифры близко к слову «смерть»); с другой стороны, «четвертый принцип» является срединным относительно всех семи ($3+1+3$), т.е. нумерологически данный принцип можно интерпретировать как «способ, с помощью которого Срединное Государство может избежать смертельной опасности».

Производной указанного принципа стала своего рода «активная бесконфликтность» КНР (невступление в союзы и в то же время собственное всестороннее развитие), а его практическим применением – нормализация отно-

¹ Так, с момента подписания мирного договора между КНР и Японией в 1978 г., что было бы невозможно без примирения США и Китая в ходе «маневра Киссинджера» шестью годами ранее, поскольку Страна восходящего солнца безоговорочно следовала американской внешней политике, Токио учредил Программу официального содействия развитию (*ODA, Official Development Assistance*) для Китая. После чего в бывшего оппонента по Второй мировой войне было вложено порядка 3,5 трлн иен за период 1979–2005 гг. (около 25 млрд долл. США по текущему курсу или, с учетом многолетней инфляции, 200–300 млрд долл. США в нынешних ценах) в виде различных форм кредитов, инвестиций и иных мер поддержки. History of Official Development Assistance (ODA) to China. 06.07.2022. URL: https://www.mofa.go.jp/policy/oda/region/e_asia/china/ (accessed 20.10.2022).

шений с прежде «беспокойными соседями» – Тайванем и СССР на рубеже 1980–1990-х гг.

В последующие десятилетия, когда Китай, превратившийся в «мастерскую мира», выступал одним из главных бенефициаров экономической системы глобализма, данная внешнеполитическая стратегия оставалась почти неизменной, а редкие конфликты (наподобие «третьего кризиса» в Тайваньском проливе 1995–1996 гг.) заканчивались деэскалацией и казались лишь локальными аберрациями все того же общего курса.

Приход к власти Си Цзиньпина в 2012 г., однако, совпал с развитием кризисных тенденций в мировой экономике и системе глобализма, что наложило на рост противоречий между ее главными участниками – КНР и США. Уже в следующем, 2013 г. Китай опередил Америку, став крупнейшей страной по объему международной торговли (4 трлн долл. США)¹. Параллельно, однако, возрастал и американо-китайский торговый дисбаланс: если в 2001 г. Китай формировал порядка 100 млрд долл. США из общего 400-миллиардного превышения американского импорта над американским экспортом, то в 2018 г. доля Китая составляла уже 400 млрд долл. из 850-миллиардного внешнеторгового дефицита США².

Эти хронические «дыры» в экономическом балансе отчасти купировались ростом долговых обязательств США, однако в 2013 г. произошло историческое событие: госдолг Соединенных Штатов в пересчете на душу населения превысил их ВВП на душу населения, и его обслуживание становилось все более дискомфортным. Одновременно реальный рост ВВП при Бараке Обаме оказался наименьшим по сравнению со временем президентства всех предыдущих президентов США с конца 1970-х гг. (за исключением краткого правления Буша-старшего). Тем самым, в силу причин системного характера Белый дом потерял возможность безболезненно сглаживать торговый и бюджетный дефицит за счет опережающего экономического роста, иными словами, издержки от глобализации (ключевую роль в которой играло взаимодействие двух крупнейших экономик мира – американской и китайской) стали превышать прибыль.

В том же 2013 г. группа американских ученых выпустила 48-страничную монографию «Китайский синдром» [Autor, Dorn, Hanson 2013: 2130], где на основе анализа десятков источников пришла к резко критическим выводам: чем больше растет импорт в США из Китая, тем сильнее возрастает безработица, а также государственные затраты на социальную помощь и здравоохранение в американских промышленных районах.

Наконец, превращение Китая еще в 2009 г. в крупнейшего в мире экспортера автоматически превратило его в главного партнера для целого ряда мировых игроков. В 1990 г. товарооборот с Китаем превосходил товарооборот с США у менее чем 10 стран. Однако 35 лет спустя Китай стал торговым партнером номер 1 один для 70–80% государств на всех континентах, исключая Северную Америку³.

Это стало эффектным завершением внешнеполитической стратегии времен Дэн Сяопина («укрепляться, держась в тени»), однако и сделало неиз-

¹ China surpasses US as world's largest trading nation. 10.01.2014. URL: <https://www.theguardian.com/business/2014/jan/10/china-surpasses-us-world-largest-trading-nation> (accessed 20.10.2022).

² По данным Бюро переписи населения США – американского агентства, предоставляющего государственную статистическую информацию, в т.ч. экономического характера.

³ Ghosh I. How China Overtook the U.S. as the World's Major Trading Partner. 22.01.2020. URL: <https://www.visualcapitalist.com/china-u-s-worlds-trading-partner/> (accessed 20.10.2022).

бежным дальнейшее обострение отношений между США и Китаем в силу объективного возрастания экономических и политических противоречий между ними.

И если администрация Обамы в конце 2010-х гг. еще предлагала Пекину «разделить мир на двоих» (в формате G2, или «большой двойки» – США + КНР), то в риторике другого крыла вашингтонских элит все более усиливался антикитайский ресентимент. Американские СМИ приводят полуанекдотическую историю¹, как зять Трампа Джаред Кушнер, подбирая тому советников в разгар избирательной кампании 2016 г., наткнулся в интернет-магазине на книгу «Смерть от Китая» (*Death by China*) Питера Наварро и настолько был впечатлен, что пригласил публициста-экономиста в команду будущего президента. Книга эта, вышедшая еще в 2011 г., предвещала риторику Трампа и других изоляционистов: по их мнению, причина многомиллиардной дыры в балансе в американо-китайской торговле заключается в «мошеннических трюках Пекина»: якобы тот искусственно удерживает низкий курса юаня, удобный для экспорта; всячески помогает китайским компаниям захватывать американский рынок; эксплуатирует в свою пользу торгово-экономическую систему глобализма; нарушает американское патентное право и ворует технологии для дальнейшей продажи созданных таким образом товаров, более дешевых, чем американские аналоги, и т.д.

В дальнейшем, став первым лицом (не в последнюю очередь благодаря голосам того самого «ржавого пояса» США, страдавшего от деиндустриализации и депрессии из-за вышеописанного «китайского синдрома»), Трамп инициировал целый ряд антикитайских мер – от протекционистской «таможенной войны» и до санкций из-за якобы «нарушений прав человека в Синьцзяне». Одним из архитекторов этой политики как раз стал Питер Наварро, возглавлявший специально созданный под него отдел по торгово-промышленной политике (*Office of Trade and Manufacturing Policy*) при администрации Белого дома в 2017–2021 гг. Разумеется, причиной всему были не столько публицистические таланты Наварро и его желание применить собственные экономические теории, сколько объективные критические диспропорции между двумя сверхдержавами.

Примечательно, что подобный конфронтационный и синофобский подход в целом сохранялся и при следующей администрации Джо Байдена, которая, казалось бы, тотально оппонировала Трампу, избавляясь от его наследия в прочих сферах.

Все это не могло не вызвать ответное изменение внешнеполитических стратегий Пекина, однако научный анализ подобной «переконфигурации» по-прежнему затруднен. Так, китаист И. Денисов в своей работе от 2017 г., констатировав безусловную трансформацию «дипломатии Си» по сравнению с «дипломатией Дэна», в то же время пришел к выводу, что среди российских и зарубежных исследователей «отсутствует единое понимание современной внешней политики КНР», в т.ч. из-за «отсутствия у Китая практики публикации внешнеполитических документов доктринального характера» [Денисов 2017: 85].

Из-за отсутствия общепризнанных академическим сообществом новых синологических концепций западные публицисты стали первыми, кто сделал попытку формализации «нового китайского стиля». Так, 28 мая 2020 г. вышел

¹ Vladimirov N. Report: Kushner found Trump advisor Navarro by browsing Amazon. 15.04.2017. URL: <https://thehill.com/homenews/administration/328969-report-kushner-found-trump-economic-advisor-navarro-by-browsing/> (accessed 20.10.2022).

мультимедийный репортаж гонконгского бюро крупного американского канала *CNN* с броским заголовком: «Китай внедряет новый стиль внешней политики. Объясняем, что это “дипломатия волков-воителей”»¹. Данный термин на тот момент был достаточно новым: соответствующая статья в англоязычной «Википедии» появилась только днем ранее, 27 мая 2020 г.², а первые массовые упоминания данного словосочетания в сходном контексте отмечаются лишь в апреле того же года³.

Само выражение «волк-воитель» восходит к одноименной китайской серии фильмов в жанре приключенческого боевика. Эти киноленты настолько примечательны, что заслуживают отдельного анализа. Первый фильм данной серии (носивший название *Wolf Warrior*) вышел в домашний прокат в 2015 г., заработав в кинотеатрах относительно скромные для миллиардного китайского рынка сборы в 89,9 млн долл. США. Сюжет фильма прост и незамысловат: офицер НОАК по имени Лен Фен (*Leng Feng*) где-то в Южном Китае сражается с наркомафией и ее подручными – наемниками американского происхождения. Учítывая, что реальный Южный Китай исторически является одним из узловых пунктов торгово-экономического взаимодействия КНР и США, подобный фильм (к тому же снятый с прямым участием китайской армии, задействованной в постановке батальных сцен) можно считать недвусмысленным политическим посланием одной части национальных элит к другой относительно дальнейших перспектив американо-китайского союза и его бенефициаров.

Продолжение киноленты «Волк-воитель», вышедшее в 2017 г., во всех отношениях отличалось от первой части. На сей раз Лен Фен действует в некоей восточноафриканской стране (чьим прототипом, судя по сюжетным перипетиям, могло быть Сомали). Его противники – международная банда наемников, состоящая из американцев и россиянина, занимается террором против мирных жителей и пытается организовать в неназванной африканской стране государственный переворот. Четко постулируется, что у Пекина на данной территории есть экономические интересы: здесь действует промышленный парк с китайскими инженерами и африканскими рабочими (реальная модель нынешней активности Китая на континенте). Формально Лен Фен по сюжету фильма является частным лицом – наемным «экспертом по безопасности», но в финале в критический момент ему на помощь приходят корабли ВМФ КНР, эффектно уничтожающие террористов ударами ракет. Создатели фильма снова изображают реальную внешнеполитическую стратегию Китая: де-юре все эти «китайские акторы» ведут экономическую экспансию по миру, включая Африку, в рамках «частнопредпринимательской инициативы», однако де-факто за ними стоят китайские государственные институции наподобие финансово-промышленных корпораций с государственным участием.

Этот незамысловатый (если не считать экзотического места действия в жанре «колониальных приключений») боевик стал одним из самых коммерчески успешных за всю историю китайского кинематографа, собрав порядка

¹ China is embracing a new brand of foreign policy. Here's what wolf warrior diplomacy means. 29.05.2020. URL: <https://edition.cnn.com/2020/05/28/asia/china-wolf-warrior-diplomacy-intl-hnk/index.html> (accessed 20.10.2022).

² Wolf warrior diplomacy: Revision history. URL: https://en.wikipedia.org/w/index.php?title=Wolf_warrior_diplomacy&dir=prev&action=history (accessed 20.10.2022).

³ Медиаметрический сервис Google. Trends. Доступ: <https://trends.google.ru/trends/explore?date=all&q=wolf%20warrior%20diplomacy> (проверено 20.10.2022).

870 млн долл. в домашнем прокате, т.е. почти в 10 раз больше, чем первая часть. Можно предположить, что причиной тому были не столько художественные достоинства ленты, сколько ее удачное попадание в «социальный заказ» — неявный запрос китайского общества на более активную репрезентацию на внешней арене.

Премьера «Волка-воителя–2» состоялась 27 июля 2017 г., а всего через несколько дней, 1 августа, как натурная декорация к межконтинентальным приключениям Лен Фена, произошло официальное открытие первой зарубежной военной базы НОАК в африканском Джибути, на берегу одной из ключевых судоходных артерий Красного моря.

Не удивительно, что, с точки зрения американских публицистов, сюжетно-стилистический ряд «Волка-воителя» стал идеальной визуализацией всего «нового дипломатического стиля Китая». В уже упомянутом материале *CNN* отмечаются ключевые особенности этой стратегии: проактивность, навязывание оппонентам игры на их поле, наконец, успешное использование медиатехнологий как важной части глобального доминирования.

К числу последних американские эксперты относят твиттер-агрессию китайских внешнеполитических комментаторов, прежде всего против США и Запада, в виде создания контрнарративов на данной медиаплатформе. В противовес предыдущему стилю дипломатических заявлений, высокопарному и многословному, новые китайские «волки-воители» сполна реализуют особенности Твиттера и подобных социальных сетей: краткость (1–2 предложения), афористичность, едкий сарказм над внешнеполитическими оппонентами. Зачастую высказывание представляет собой лишь краткую подпись к картинке — лаконичной инфографике или карикатуре на злобу дня.

При этом китайских «твиттер-дипломатов» не смущает, что данный веб-сервис, наряду с другой заокеанской цифровой площадкой *Facebook*, заблокирован в материковой КНР с 2009 г.: как мы уже говорили, навязывание оппоненту игры на его же поле (в данном случае, на американской медиаплатформе) и есть отличительный стиль «волков-воителей». На это обращает внимание один из американских исследователей указанного феномена журналист-синолог Петер Мартин (*Peter Martin*), опубликовавший в 2021 г. целую книгу «Китайская гражданская армия: становление дипломатии волков-воителей» (*China's Civilian Army: The Making of Wolf Warrior Diplomacy*). По оценкам П. Мартина¹, этот внешнеполитический метод является для китайских чиновников сугубо «экспортным» товаром: у «волков-воителей» нет задачи повлиять на внутреннее общественное мнение КНР; главный объект их воздействия — не китайская соцсеть *Weibo*, а внешняя аудитория на американских цифровых платформах. Это связано прежде всего с системным дизайном медиапространства материкового Китая, изолированного от западных платформ и сервисов, а равно и от их интерпретации актуальных событий и существующего в собственном «информационном пузыре».

И здесь стратегия «волка-воителя» кардинально расходится с внешнеполитическим стилем других мировых держав: в силу иного системного дизайна медиапространства России или США для них внутренняя аудитория зачастую становится не менее, а иногда и более важным потребителем внешнеполитических нарративов, нежели остальной мир.

Также, по мнению П. Мартина, освоение «твиттер-дипломатии» МИДом

¹ Understanding Chinese «Wolf Warrior Diplomacy». 22.10.2022. URL: <https://www.nbr.org/publication/understanding-chinese-wolf-warrior-diplomacy/> (accessed 20.10.2022).

Китай имело во многом случайный характер. Одним из первых таких «волков-блогеров» был Чжао Лицзянь (赵立坚). В середине 2010-х гг., состоя на относительно скромной должности советника, а потом советника-посланника в посольстве КНР в Пакистане, он прославился провокационным и крайне экстравагантным поведением в «Твиттере» — от жесткой критики в адрес американской политики на Ближнем Востоке до «добавления в друзья» известных порноактрис и знаменитого «сервиса для взрослых» *Pornhub*. К настоящему дню число его подписчиков превышает 1,4 млн чел.¹

Вероятно, подобный успех подвиг и других китайских дипломатов к «оккупации» западных соцсетей. Чжао Лицзянь же в августе 2019 г. получил повышение до заместителя главы Департамента информации МИД КНР — важнейшего публичного поста, предполагающего почти ежедневные выступления в роли официального спикера ведомства. В этом качестве одна из его наиболее громких эскапад касалась призыва со стороны «Пяти глаз»² к официальному Пекину «сдать назад» в связи с недавними политическими протестами в автономном городе Гонконге: «Будь у них хоть пять, хоть десять глаз, если они посмеют нанести урон суверенитету, безопасности и интересам развития Китая, то пусть опасаются, как бы их глаза не были выколоты, а сами они — ослеплены», — сказал Чжао Лицзянь на своем брифинге для СМИ в ноябре 2020 г.³

Иными словами, то, что еще вчера казалось немыслимым на фоне жесточайших регламентов вежливости и этикета в традиционной ориентальной культуре⁴, сегодня стало для «волков-воителей» социальным лифтом в верхние эшелоны китайской дипломатии: очевидно, новый уровень внешнеполитических угроз привел к трансформации и внутривнутриполитических норм.

Непосредственным руководителем Чжао Лицзяня в течение трех лет была, вероятно, самая яркая представительница поколения «волков-воителей» Хуа Чуньин (华春莹), женщина — директор того же Департамента информации МИД КНР в 2019–2021 гг. В октябре 2019 г., через три месяца после прихода на этот пост, госпожа Хуа (вероятно, не без влияния Чжао) зарегистрировалась в *Twitter*⁵. Через полгода число ее подписчиков составляло уже 500 тыс. чел., а к настоящему моменту достигло 1,3 млн. На данный момент число постов Хуа Чуньин в «Твиттере» превысило 7 тыс. (или примерно по 8–10 публикаций в сутки); большинство из них посвящено критике США и Запада: межрасовым и экономическим проблемам Америки, неоправданному расширению НАТО, двойным политическим стандартам и пр.

В этом смысле посты и Чжао Лицзяня, и Хуа Чуньин, и всей пекинской «твиттер-дипломатии» можно сравнить с «троллинговой стилистикой» их российской коллеги Марии Захаровой, занимающей должность главы Департамента информации и печати МИД РФ с 2015 г.: активность в соцсетях, наступатель-

¹ Аккаунт Чжао Лицзяня в «Твиттере». Доступ: <https://twitter.com/zlj517/> (проверено 20.10.2022).

² Неформальный альянс разведывательных сообществ пяти стран англосферы — Великобритании, США, Канады, Австралии и Новой Зеландии.

³ China says Five Eyes alliance will be «poked and blinded» over Hong Kong stance. 20.11.2020. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/nov/20/china-says-five-eyes-alliance-will-be-poked-and-blinded-over-hong-kong-stance> (accessed 20.10.2022).

⁴ О влиянии конфуцианства, с его императивной церемониальностью и иерархичностью, на профессиональную этику внутри китайского общества см. [Иванченко 2014].

⁵ Аккаунт Хуа Чуньин в «Твиттере». Доступ: <https://twitter.com/SpokespersonCHN> (проверено 20.10.2022).

ный вектор, сарказм на грани фола, афористичные реплики с периодическим использованием сниженной лексики.

Сложно утверждать, насколько «подход Захаровой» повлиял на формирование китайских «волков-воителей», тем не менее их стилистическое сходство несомненно. И еще более любопытно, что в начале 2019 г., за несколько месяцев до назначения госпожи Хуа на аналогичный пост, в китайских СМИ появились хвалебные статьи о Захаровой, превозносившие ее внешность, деловые качества и дипломатическую стилистику: отстаивать на внешней арене позицию своего правительства, пусть даже «немного грубо», — это, по мнению публицистов из КНР, хорошо¹.

Одной из самых запоминающихся медиаатак в исполнении Хуа Чуньин стало ее утверждение в марте 2021 г. о возможной утечке вируса *SARS-CoV-2* (коронавируса) из американской биологической лаборатории в Форт-Детрике². Данное утверждение, получившее широчайшую огласку в мировых СМИ, отчасти противоречило ее собственным словам трехмесячной давности с критикой версии «искусственного происхождения коронавируса и его утечки из лаборатории»³. Это знаменовало еще один отход от классических принципов китайской дипломатии — многократного механистического повторения единожды утвержденных формул. Теперь в логике информационной войны позиция внешнеполитического комментатора по одному и тому же вопросу может и даже должна носить более гибкий характер, гибридизируясь исходя из «структуры момента».

Заключение. В октябре 2021 г. Хуа Чуньин была (по крайней мере, с формальной точки зрения) повышена с должности начальника департамента до должности заместителя главы МИДа КНР. Иными словами, подобный стиль «волка-воителя» является приемлемым и поощряемым с позиций высшего руководства. Учитывая скромный с политической точки зрения возраст как ее, так и Чжао Лицзяня (52 года и 49 лет соответственно), можно предположить, что они продолжат карьерный рост и дальнейшую реализацию «новой китайской внешнеполитической стратегии» как минимум в течение нынешнего десятилетия.

Сам термин «дипломатия волков-воителей» к настоящему моменту, на конец 2022 г., из научно-публицистических статей перешел и в американский правительственный дискурс, он используется даже в официальных публикациях на сайтах посольств США за рубежом⁴.

Таким образом, несмотря на относительную «молодость» доктрины «волков-воителей», она в короткий срок приобрела вполне устоявшиеся, зрелые черты, определяющие действия всего китайского государства на внешнем контуре в плане нынешних практик «гибридной войны», чьим главным полем сражения является информационное пространство и массовая аудитория потенциального противника.

Учитывая переизбрание главного архитектора «нового китайского суверенитета» председателя Си Цзиньпина на пост генерального секретаря КПК на ее

¹ <https://www.163.com/edu/article/E86PN7RF00297VGM.html> (проверено 20.10.2022).

² Китай призвал ВОЗ изучить возможность утечки коронавируса из лабораторий США. 31.03.2021. Доступ: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11035213> (проверено 20.10.2022).

³ Китай назвал ложью версию США о происхождении коронавируса. 04.01.2021. Доступ: https://lenta.ru/news/2021/01/04/not_wuhan/ (проверено 20.10.2022).

⁴ People's Republic of China Efforts to Amplify the Kremlin's Voice on Ukraine. 02.05.2022. URL: <https://cl.usembassy.gov/peoples-republic-of-china-efforts-to-amplify-the-kremlins-voice-on-ukraine/> (accessed 20.10.2022).

XX съезде в октябре 2022 г., можно предположить, что данная внешнеполитическая стратегия (или ее адаптированные элементы) продолжит применяться Пекином как минимум в ближайшую пятилетку.

Список литературы

Богданова Н.А., Солнцева Е.Г. 2010. Особенности дипломатического курса Дэн Сяопина. – *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. № 2(88). С. 10-14.

Богданова Н.А., Солнцева Е.Г. 2018. Особенности дипломатического курса Дэн Сяопина. – *Манускрипт*. № 2(88). С. 10-14.

Бояркина А.В. 2022. К вопросу о дипломатии великой державы с китайской спецификой в «новую эпоху». – *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*. № 1. С. 129-140.

Виноградов И.С. 2018. История развития внешней политики КНР. – *Общество: философия, история, культура*. № 6. С. 72-77.

Голобоков А.С. 2010. Становление и развитие внешнеполитической доктрины Китая. – *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. № 3(14). С. 117-124.

Денисов И.Е. 2017. Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство. – *Журнал глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. № 5. С. 83-98.

Иванченко Н.В. 2014. Профессиональная культура через призму идей конфуцианства. – *Челябинский гуманитарий*. № 1(26). С. 22-27.

Козыкина Н.В. 2017. *Особенности дипломатии современного Китая*: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета. 148 с.

Лань Ю. 2021. Трансформация концепции «мягкой силы» в политическом дискурсе КНР. – *Коммуникология*. № 1. С. 79-88.

Мэй Ч. 2021. Внешнеполитическая доктрина и дипломатическая практика Си Цзиньпина (2012–2021). – *Современная научная мысль*. № 5. С. 152-157.

Autor D.H., Dorn D., Hanson G.H. 2013. The China Syndrome: Local Labor Market Effects of Import Competition in the United States. – *American Economic Review*. Vol. 103. Is. 6. P. 2121-2168.

Chen D. 2020. Is China Really Embracing 'Wolf Warrior' Diplomacy? – *The Diplomat*. 09.09.2020. URL: <https://thediplomat.com/2020/09/is-china-really-embracing-wolf-warrior-diplomacy/> (accessed 12.11.2022).

Dai Y. 2022. Wolf Warriors and Diplomacy in the New Era: An Empirical Analysis of China's Diplomatic Language. – *The China Review*. Vol. 22. Is. 2. P. 253-283.

Goldstein A. 2020. China's Grand Strategy under Xi Jinping: Reassurance, Reform, and Resistance. – *International Security*. Vol. 45. Is. 1. P. 164-201.

Langendonk S. 2022. China's Civilian Army: The Making of Wolf Warrior Diplomacy. – *International Affairs*. Vol. 98. Is. 2. P. 807-808.

Raden M.Y. 2021. China's Wolf Warrior Diplomacy on Social Media in the Era of Covid-19. – *Jurnal Ilmu Hubungan Internasional*. Vol. 4. No. 2. P. 120-138.

Sullivan J., Wang W. 2022. China's "Wolf Warrior Diplomacy": The Interaction of Formal Diplomacy and Cyber-Nationalism. – *Journal of Current Chinese Affairs*. Vol. 1. Is. 21. P. 1-21.

Zhiqun Zhu. 2020. Interpreting China's 'Wolf-Warrior Diplomacy'. – *The Diplomat*. 15.05.2020. URL: <https://thediplomat.com/2020/05/interpreting-chinas-wolf-warrior-diplomacy/> (accessed 12.11.2022).

CHESNOKOV Edward Otakarovich, Visiting Lecturer, Department of Media, St. Petersburg School of Humanities and Arts, National Research University – Higher School of Economics (123 Griboedova Channel Emb, St. Petersburg, Russia, 190068; chesnokove@gmail.com)

ARGYLOV Nikita Antonovich, Cand.Sci. (Pol. Sci.), Research Fellow of the Center for Ethno-sociological Research, Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia; nargylov@hse.ru)

FROM DENG XIAOPING'S THREE PRINCIPLES TO WOLF WARRIOR DIPLOMACY: THE TRANSFORMATION OF THE FOREIGN POLICY STRATEGY OF MODERN CHINA

Abstract. *The article attempts to analyze the evolution of China's foreign policy concept, starting from the Three Principles of Deng Xiaoping to the Wolf Warrior diplomacy of modern China. Since the beginning of the reform and opening-up policy in China, various ideological trends began to emerge as the basis for the country's foreign policy strategy to build. In recent years, however, the media and experts have increasingly associated Chinese diplomacy with the term of wolf warrior and warned of China's increased assertiveness and efforts against the western-centered world in foreign affairs. The Wolf Warrior diplomacy, named after two famous Chinese films, describes the offensive actions of Chinese diplomats to protect China's national interests, often in confrontational ways.*

However, there is no systematic research on the level of how official wolf warrior diplomacy is or how it relates to Chinese diplomacy under the leadership of Xi Jinping. As a result of the conducted research, the stages of the evolution of China's extra political strategy were revealed. Despite its «youth», the doctrine of the wolf warriors has made a quantum leap in its development, determining the actions of the entire state in the foreign policy arena. This policy will develop and acquire new forms and outlines, which will further lead the country step away from the «peaceful development» and the «three principles» of Deng Xiaoping's foreign policy strategy.

Keywords: *Three Principles of Deng Xiaoping, Wolf Warrior diplomacy, China, PRC, foreign policy strategy, diplomatic course, history of foreign policy*
